

САМИТНА НЫВКА.

оди, колы я першый разъ йихавъ по-пры самитну нывку, бувъ ранокъ, красный весняный ранокъ... Ясне, свиже, мовъ выкупане сонце выкотылось з-за дибровы, що генъ далеко мрила середъ подильської ривныны, и чымъ разъ выще й выще пидносылося вгору... Панувала та глыбока, урочыста тыша, котру можна де-колы замитыты пидъ часть сходу сонця, колы день заповидається красный, погидный. Витрець спавъ ще десь въ глыбокимъ яру; рожеви хмаркы лежалы на неби тыхо, непорушно; жыто, що вже зачынало колосытыся, такожь стояло тыхо, нибы впирнуло въ глыбоку задуму; не колыхалась буйна пшениця, що роскишнымъ темнозеленымъ кылымомъ вкрывала поля; навить жайворонокъ замовкъ на хвылыну, а роса на сочыстимъ лыстю збижжя, на лысткахъ диванны й польню, що рослы пры дорози, тремтила и, мовъ самоцвиты, перелывалась радужнымы барвамы. Подолынкахъ, мовъ кадыльный дымъ, стелылась била имла и здавалось, що се видъ того кадыла долитають до насъ пахощи, котрымы ранній воздухъ бувъ пересяклый. Глыбока, урочыста тыша... Здавалось, мовъ бы цила прырода въ якимсь остовпинню дывувалась вельчности благодатного сонечка и, перенята побожнымъ настроємъ духа, впала ныць передъ всемогущымъ Сотворытелемъ.

Однакъ тая хвыля тревала вельмы коротко... Першый жайворонокъ не втерпивъ и выбывся вгору та завивъ веселу писню, а за нымъ тысячи тсварышивъ, мовъ грудочки земли, выкыдани невыдымымы рукамы з-посередъ збижжя, стрилиялы въ воздуш-

ный простирь, и наразь заграла вгори могутна музыка. Потягнувъ свижий легить, заколыхалось жыто-пшениця, имла розплылась у воздуси, рожеви хмаркы побилилы, сонце пидіймалось все выще й выще, а въ миру, якъ його тепли проминня стали огриваты воздухъ и землю, несчyslенни рижни комашкы стали видзыватьсь въ збижжю и гратысь въ золотыхъ проминняхъ сонця,—и той рижнородный шелестъ комашокъ, спивъ жайворонкивъ и шепить леготомъ колысаного збижжя зльаваясь въ одну гармонію, въ одну радисну писню... Такъ и видно було, що всяка тварь тишытьсь соняшнымъ сяйвомъ, тишытьсь яснымъ днемъ, радується жыттямъ, а та загальна радисть, неначе якыйсь могутный вырь, пирвала й мене зъ собою и мени зробылось на души прьемно, легко, солодко... Я повными грудьми вдыхавъ чыстый, здоровый воздухъ, а слушаючы веселыхъ воздушныхъ спивакивъ, и соби ставъ въ пивъ голосу спиваты якусь писеньку.

Навить мои кони булы выдымо ради, бо порскалы и шпарко йшлы напередъ, а мій визныкъ Карпо, статечный и звычайно мовчазный чоловикъ, ставъ видъ часу до часу оглядаться на мене з-пидъ шырокого солом'яного капелюха, мовъ бы хотивъ мени щось сказаты, подилытьсь зо мною якоюсь радисною невыною.

— А що, Карпе,—промовывъ я,—правда, що красный ранокъ?

— А якъ же, красный,—видповивъ Карпо,—и хлибъ росте,—дздавъ пиднесенымъ голосомъ, показуючы батогомъ на збижжя.

„Хлибъ росте!“—ось що винъ хотивъ мени сказаты, мій Карпо мовчазный! Винъ вже подилывся зо мною тою радистю, що йому розпирала шыроки груды; винъ вже щаслывый сыдыть, згорбывшысь, на козли зъ вижкамы въ рукахъ, вже не оглядается на мене з-пидъ шырокого капелюха, бо вже сказавъ те, що хотивъ сказаты.

„Хлибъ росте“—мени Карпови слова дуже прыпалы до вподобы, и я ихъ килька разивъ повторявъ, пидъ часъ колы мои очи зъ любовстю обіймалы подильськы нывы, покриты грубымъ кылымомъ буйного збижжя, що, здавалось, такъ и росте на очахъ у чоловика.

Втимъ мы зривнялысь зъ самитною нывкою. Вона лежала праворучъ видъ дороги, цилкомъ пуста й необроблена.

— Говъ, станъ Карпе!—заклыкавъ я здывованый.

Карпо спынывъ на хвылыну кони, а я пиднявся зъ сыдженя, стараючысь огорнуты поглядомъ цилу самитну необроблену нывку.

Простора се нывка; що правда, досыть вузька, та за те довга, такъ що й кинця не можна було побачыты. Въ поривнанню до другихъ, працьовытою рукою обробленихъ нывъ мала вона якыйсь сумный, заплаканный выглядъ: пуста, мовъ бы плугъ ии ще никола не краявъ, вкрыта грубою муравою, зарбсла корчамы по-лыню, диванны, чернобылю...

— Гей, а то що?—заклыкавъ я здывованный, вытягаючи руку въ напрями запущеной нывкы.

— Що? пуста!—видповивъ Карпо.

— Та чья вона?

— Чья? Эхъ, про те багато говорыты!...

— Ну, кажы, кажы, Карпе! Що про неи знаешъ?

Карпо почухався въ голову.

— Я знаю те,—ставъ винъ говорыты з-провокола,—що други люде кажуть... А люде кажуть, що за ту нывку правуються два браты зъ того села, що он-тамъ сутеніе. Одынъ братъ каже, що то йому залысавъ батьку тую нывку, а другый перечыть, каже, що батько не робывъ ніякого заповиту, а тилькы такъ роздильвъ дитей маеткомъ, и йому видказавъ нывку... Та й пишовъ процесъ, а що свидкы вже повмиралы, то и процесъ тягнется безъ краю... И якъ одынъ братъ выграе, то другый зачынае разъ правуваться на-ново, и такъ все йде дальше. Кажуть, се булы заможни господари, та тымъ правомъ такъ вже зныщы-лыся, що ледве дышуть. Страхъ, якъ завзявся одынъ на другого! Одынъ другому каже, що и зъ торбамы пиду, а не дамъ тоби земли. И якъ выйде весною зъ плугомъ одынъ братъ, то другый летыть заразъ зъ коломъ и зганяе.—Не зачипай, не твое!—каже... Господы! Килька разывъ, кажуть, була на тій нывци буча, килькы потекло братньои кровы, килькы чупрыны рознисъ витерь по полю— и не дорахувавъ-бы-ся!... Отъ, кара Божа, тай годи!

Мій визныкъ махнувъ рукою зъ якымсь згирдлывымъ выразомъ на осмаленимъ лыци та ударывъ кони вижкамы по бокахъ... Муха буде!—додавъ винъ по хвыли та лыбонъ ти слова видносы-лысь вже до коней, щобъ ихъ переконаты, що треба скорійше бигты.

Ахъ, якъ то непременно побачыты, або довидатысь про шось сумне въ хвыли, колы чоловикъ веселый!

Я похылывъ голову... Веселисть, що передь хвылею мене огорнула, десь счезла зъ моеи души, а моя думка не хотила сходыты зъ самитной нывкы.

И чого воны, ти браты, роблять такъ нерозумно? — пытавъ я себе. Замисть погодытысь въ добрый спосибъ и працювати на батькивській земли, волять воны сварытыся, процесуватыся, бытыся, ныщытыся до послиднього, волять зъ торбами йты... а нывка лежыть самотою середь обробленихъ чужыхъ нывъ, опущена, мовъ сыритка... И колы дывышся на неи, то здається тоби, мовъ бы вона засылала скаргу до неба за те, що на ній замисть пшеницы росте кропыва, полынь, чернобыль. И—дывне дыво! До не одной, хочъ и протывной ричи, може чоловікъ зъ часомъ прывыкнуты и буты на неи цилкомъ обоятнымъ,—однакъ що до тои самитной нывкы я николы не мигъ буты байдужный... За кожнымъ разомъ, колы мени лучалось перейиздыты по-пры ту нывку, завсигды ворущылысь въ мойй души, якись дывни, невидрадни думкы; за кожнымъ разомъ я скоро видвертавъ видъ неи очи на весели, збижжямъ хвылюючи поля и старався думаты про щось инше...

Видъ того ранку мынувъ вже досыть довгый протягъ часу. Та ось послидньої весны я перейиздывъ зновъ коло самитной нывкы. Зновъ бувъ красный, погидный ранокъ. Жайворонкы залывалысь веселымъ спивомъ, широкополи нывы красувалысь доходячымъ жытомъ-пшеницею, а самитна нывка все ще стоить опущена, необроблена.

Тымъ разомъ я замитывъ на ній слидъ людської руки: хтось ще не дуже давно выоравъ на самій середыни нывкы глыбоку борозну: выдно, хтось хотивъ ии обробляты, та на тимъ и ставъ. Мени заразы вырынула передь очи цила подія, що недавно мусила тутъ буты. Се певно одынъ братъ вышовъ зъ плугомъ ораты нывку, а другый заразы прылетивъ зъ коломъ и зигнавъ орача... Колы я не орю, мовлявъ, не оры й ты! Гиркый свить!... Та ось прыходыть питання: чы довго ще ждаты, покы браты наберуться розуму?... А може воны й не наберуться розуму?— Га, якъ бы такъ мало буты, то прыйде часъ, що нывка перейде въ чыись други, розумнійши руки, котри зуміють ии пошануваты, и тоди вона певно виддячыть своему господареви за його працю. Але шчо тоди буде зъ братамы?...

